

ЭЛ РУСБЯР

ДОРОГА МОЛЧАНИЯ

ХАОС В ПАРАГРАФАХ

Эл Росьяр

**Дорога Молчания:
Хаос в Параграфах**

«Автор»

2026

Росьяр Э.

Дорога Молчания: Хаос в Параграфах / Э. Росьяр — «Автор»,
2026

Деревня Тревин стерта с лица земли за нарушение закона. Вейл Кариан и Лира Нортел идут по «Дороге молчания», где магия и бюрократия слились воедино, а любая ошибка карается мгновенной ликвидацией. Их цель — выжить, сохранить память и переписать правила реальности. Темное фэнтези, юмор и абсурд ждут за каждым поворотом.

© Росьяр Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Приказ 12/К: Командировка	12
Глава 2. Проход через ноль	18
Глава 3. Территория 3-Б. Бывший Тревин	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Эл Росьяр

Дорога Молчания: Хаос в Параграфах

Пролог: «Голосование теней»

Зал Совета: Где рождаются законы и умирают надежды

Великий Зал Академии «Элирион» был спроектирован так, чтобы внушать благоговение – или парализующий страх. Его своды, напоминающие ребра гигантского зверя, смыкались под потолком, словно челюсти, готовые раздавить тех, кто посмеет усомниться в мудрости Совета. Мозаика из застывших магических вспышек мерцала холодным сиянием, будто звёзды, пойманные в ловушку времени. Каждый камень в стенах дышал древними заклинаниями молчания, их шёпот сливался в гулкий гул, словно подземный гром. Но сегодня даже эти камни трещали, не выдерживая напряжения, – воздух был густ от предчувствия катастрофы.

Пятеро архимагов восседали за столом из чёрного мрамора, испещрённым рунами, что меняли смысл в зависимости от того, чей взгляд к ним прикасался. Для канцлера Виртана, чья борода, сплетённая в косички с серебряными колокольчиками, дрожала от каждого движения, они гласили: *«Мудрость требует жертв»*. Для архимага Элдреда, чьё лицо пряталось в глубине капюшона, расшитого бледными черепами, – *«Жертвы требуют мудрости»*. Стол, полированный до зеркального блеска, отражал их лица искажёнными – будто сама материя здесь отвергала ясность.

На нём лежал свиток, стянутый цепью из жидкого света, что переливалась, как ртуть под луной. Внутри таилось донесение, запечатанное кровью трёх разведчиков. Его вскрыли на рассвете, и с тех пор воздух в зале пропитался горьким ароматом горелого миндаля – печать проклятого пергамента, чьи буквы пожирали неосторожные взгляды.

– Дорога Молчания пробудилась, – произнёс Виртан, и колокольчики в его бороде зазвонили, будто насмехаясь над тишиной. – Она поглотила деревню Тревин. Не оставила ни камня. Только... это.

Он кивнул, и пространство над столом содрогнулось, рождая иллюзию: руины, засыпанные пеплом, словно земля провалилась в горло гиганта. Посреди них – табличка с идеально ровными буквами, выведенными киноварью:

«Поселение Тревин. Причина ликвидации: отсутствие лицензии на существование. Пункт 14-Г Устава. Санкция утверждена Советом».

Архимаг Сильра, чья мантия переливалась цветами грозового неба – вспышками индиго и свинцовой синевой, – сжала кулаки. Ногти впились в ладонь, и иллюзия рассыпалась, как стекло, брошенное на камни.

– Она нас высмеивает, – её голос звучал, как треск льда под сапогом. – Дорога превратила наши законы в оружие. Наши же перья написали нам смертный приговор.

– Нет, – поправил Элдред, и из-под капюшона донеслось шипение, словно змея выползла из пасти черепа. – Она стала лучше нас. Чище. Она не знает компромиссов, страха, жалости. Она – идеал, который мы не смогли воплотить.

Его длинные пальцы, обернутые в перчатки из кожи дракона, провели по рунам на столе. Те засветились кровавым алым, складываясь в новую фразу:

«Идеалы, лишённые сердца, становятся чумой».

Виртан закрыл глаза, вдыхая запах горечи. Где-то в глубине зала, за тяжелым занавесом из теней, заскрипело перо – будто сама Дорога Молчания уже вела протокол их гибели.

Элдред поднял голову, и в прорези капюшона блеснули зубы – острые, желтоватые, как страницы древних фолиантов, которые никто не решался открыть.

– Вы забываете, канцлер, – его шипение стало громче, – что Дорога – ваше дитя. Ваше... опрометчивое творение.

Виртан побледнел, и колокольчики в его бороде задрожали, будто испуганные мыши.

– Ритуал требовал срочности! Империя наступала, а мы...

– Вы поставили печать Совета на пергаменте, где вместо руны «**равновесие**» начертали «**абсорбцию**», – Сильра перебила его, щёлкнув пальцами. Над столом всплыл силуэт древнего свитка: кривая линия, спешно выведенная между строк, съехала вниз, как пьяный писарь. – Потому что торопились на банкет в честь вашего нового звания.

Элдред захихикал, звук напоминал скрип пересохших шарниров:

– О, это было изящно! Вы мечтали, чтобы Дорога сама устраняла «ошибки». Но вместо того, чтобы стирать опечатки в законах... она начала стирать авторов.

– Это метафора! – Виртан ударил кулаком по столу, и руны на мгновение сложились в слово «**ПОЗОР**». – Она должна была лишь патрулировать границы!

– Патрулировать? – Сильра подняла бровь. – Вы дали в её лапы Устав, написанный вами же в день инаугурации. Тот самый, где «благосостояние Академии» объявлялось высшей добродетелью, а все помехи... ликвидировались. Дорога просто последовала букве. Буквально.

Элдред выдернул из складок мантии пергамент, испещренный печатями «**Срочно!**» и «**Ответ требуется еще вчера. Штрафные санкции: смерть**», и швырнул его на стол.

– Значит, решено. Начнём поиск. По всем правилам. – Его пергамент завис в воздухе, раздулся до размеров ковра и начал... чихать, выплевывая искры и клочья страниц.

– Каким правилам? – Виртан нервно покрутил колокольчик в бороде. – Мы же только что выяснили, что наши правила...

– Привели нас к этой, с позволения сказать, адовой ситуации? – Сильра щелкнула пальцами, и пепел Тревина взметнулся к сводам. Частицы сложились в кричаще-официальную надпись: «**Протокол № 666: Экстренный набор лиц, Требуются добровольцы. Критерии: героизм (желательно), нарушение Устава (обязательно)**». – Мы должны играть по правилам, чтобы их нарушить.

Чёрный комок из пергамента с шумом развернулся в карту Академии. На ней метались огоньки – души кандидатов.

– Кандидаты должны быть идеальным балансом, – продолжил Виртан, его пальцы нервно перебирали край мантии, словно искали невидимые нити судьбы. – Порядок и хаос. Догма и творчество. Если они не уравновесят друг друга, Дорога их разорвёт... или сделает своими орудиями.

Совет начал просматривать досье. Листы пергамента всплывали из небытия, как призраки, обнажая лица, достижения... и грехи. Каждое досье пахло по-разному: одни – ладаном усердия, другие – серой мятежа.

– Фильтр первый, – провозгласил Элдред, – ищем тех, кто выжил после встречи с п. 14-Г.

Пепел Тревина ринулся к карте, задувая огоньки один за другим.

Вейл Кариан – огонёк яростно дергался, выжигая в пергаменте дыру с надписью «**Нарушил, спасая!**».

Вейл Кариан: Пленник параграфов

Его портрет замерцал под взглядами архимагов, словно оживший документ. Молодой человек в строгом мундире с серебряными застёжками-рунами, волосы, собранные в тугой узел, взгляд холодный, как лезвие скальпеля. На столе перед ним – миниатюрная проекция Устава, её голографические строки непрерывно листались, отбрасывая синеватый отсвет на очки в тонкой оправе. Не цепями, но невидимыми нитями долга он был прикован к текстам законов.

– Сын статьи 45-Д, – произнесла Сильра, касаясь пергамента, где ожили кадры прошлого: взрыв магического разлома, крик родителей, затянутых в трещину между мирами. – Их смерть признали «техническим нарушением». С тех пор он дышит параграфами, как кислородом.

– Он не просто соблюдает Устав, – добавил Элдред, его перчатка указала на цифры, плывущие над столом. – Он превратил его в точную науку. Алгоритм «Кодекс-Превентор» предсказывает нарушения до их совершения. Точность – 98,7%. Но... – архимаг щёлкнул пальцами, и статистика окрасилась багрянцем, – каждый прогноз требует «превентивного наказания». В прошлом месяце он едва не арестовал студента за *мысли* о несанкционированной телепортации.

Горин скривился, будто проглотил лимонную дольку:

– Робот в человеческой коже. Дорога разорвёт его, когда поймёт, что он сам – воплощение её изъяна. Он верит, что правила спасают... а они лишь консервируют страх.

Кариан на портрете вдруг поднял голову, будто услышал. Его губы прошептали: *«Пункт 3-Ж: Несанкционированное обсуждение Устава карается...»* – но фраза оборвалась. В отражении очков, вместо глаз Совета, заплескали рукописные строки – чьи-то детские записи на полях: «Папа, почему мы не можем просто помочь?»...

Портрет ворвался в зал, нарушив стройные ряды пергаментов.

Лири Нортел: Вихрь, одетый в мантию

Рыжие волосы, словно пламя, вырывающееся из-под контроля, обрамляли лицо с хищным блеском в глазах. В руках она сжимала не яблоко, а кристалл с мерцающей внутри тенью – запечатанный дух древнего некроманта, чьи черты искажались, пытаясь вырваться на свободу. Подпись внизу дымилась кроваво-черным: *«Несанкционированная активация Арканума VII века. Основание: Статья 3-Ж «Запрет на контакт с запрещенными эгрегорами»».

Молчавший почти все время до этого архимаг Горин вдруг удивленно вскрикнул: Что еще за эгрегоры, почему несанкционированно?

Прежде чем ему успели ответить прочие маги, перед его лицом, почти нахально, возник пергамент гласящий: “запрещенные эгрегоры – это означает, что она вступает в контакт с опасными коллективными структурами – например, с древними культами, темными магиче-

скими течениями или артефактами, заряженными разрушительной энергией. Эти эгрегоры могут:

Давать силу, но требовать жертв.

Искажать реальность, нарушая законы Совета.

Управлять теми, кто к ним подключился, как марионетками.

Конец пояснения». Пергамент свернулся с тихим хлопком и убрался восвояси.

– Она не воплощение анархии, – поправил Элдред, его пальцы в перчатках из драконьей кожи сомкнулись вокруг проекции кристалла. – Она – гроза предрассудков. В прошлом месяце пробралась в Запретный архив и оживила **«Свод утраченных заклятий»**. Не для вандализма... – Он щелкнул пальцами, и страницы фолианта ожили, показывая, как Лира вшивала древние руны в защитные барьеры Академии. – Она пыталась усилить щиты, смешав некромантию с абстрактной топологией.

Сильра провела рукой по пергаменту, и текст зазмеился, обнажая детали:

– Результат? Энергопотоки выросли на 40%, но... – В воздухе возникла трещина, из которой сыпался пепел. – Она не учла пункт 5.6-Г о **«запрете симбиоза с артефактами Тёмной эры»**. Щиты начали поглощать магию студентов.

– Зато теперь мы знаем, как регенерировать ману из паразитных сущностей! – Лира на портрете оскалилась, и тень в кристалле завывала в унисон. – Это же прорыв!

– Прорыв, который едва не оставил пол-Академии без сил, – вздохнул Виртан. – Но Совет сохранил её... – Он кивнул, и печать на досье вспыхнула: **«Помилована в связи с потенциалом для контролируемого хаоса»**.

Лира на изображении поймала летящий свиток и разорвала его зубами. Пергамент рассыпался на чёрных бабочек, сложившихся в насмешливую фразу: **«Спасибо за доверие!»**.

– Фильтр второй, – Элдред провёл рукой над картой, и его перчатка оставила за собой мерцающий шлейф, который свернулся в официальный заголовок:

«Экзамен на добровольное соответствие п. 7-Д: Взаимодействие с объектами категории "Самоликвидация" вне протоколов сдерживания».

Модельки Кариан и Лира тут же шагнули в образовавшийся портал. Остальные огоньки погасли.

– Блестяще, – Сильра улыбнулась, словно наблюдала за тем, как мотыльки летят в пламя. – Выглядит почти легально. Особенно мне нравится слово «добровольное». Нужно чаще использовать его в контрактах.

– Все подписи собраны, – Элдред потряс пергаментом, где в графе **«Осознание рисков»** числился пробел. – Даже печать есть: **«Одобрено в интересах Академии. Подписано ранее обоими лицами. Академия вправе направлять вышеуказанных лиц куда угодно на какой угодно срок в случае возникновения определенной ситуации»**. – В следующий раз, думаю, будут читать мелкий шрифт в своих договорах. Если выживут, так и есть.

– Идеально, – Виртан выдавил из себя улыбку. – Они либо спасут нас, либо станут отличным материалом для пункта 14-Г. Двойная выгода!

– Как всегда, ваша светлейшая меркантильность восхищает, – Сильра взмахнула рукой, и карта свернулась в свиток, затянутый цепью из жидкого света. – Дорога уже ждёт. И, кажется,

составляет список их будущих «нарушений»... – Сильра недовольно поджала губы. – Нам бы поторопиться.

В воздухе запахло гарью. Цепь из жидкого света вдруг сжалась, выжимая из досье Кариана Вейла фразу:

«Нарушил п. 14-Г, спасая ребёнка из горящей деревни».

– Вот оно, – Элдред протянул руку, и тень от его пальца легла на текст, превратив «нарушил» в «исполнил». – Ваша Дорога – идеальный бюрократ. Она не понимает, почему «спасение» важнее «пункта».

Архимаг Сильра недовольно поджала губы, сложив руки на груди.

– Нужно устранять ошибки по мере их проявления, а не годами спустя во время мелко-масштабного апокалипсиса, – голос полнился раздражением. Сильра провела пальцем по руне **«Вечность»** на столе, и та на миг исказилась, став **«Распадом»**, – Ритуал создания Дороги требовал не слепого следования букве Устава, а *перерождения смыслов*. Но вы... – Она резко сжала ладонь, и руна рассыпалась в пепел. – Вы заменили алхимический реактив души на суррогат – эти ваши *«эффективные»* формулы. Скрестили законы с чёрной риторикой, чтобы они самоочищались. И вот она – ваша чистота. – Сильра указала на иллюзию Тревина, где Дорога пожирала последние камни. – Безупречный механизм, который даже бога будет судить по графе **«Лицензия на бессмертие»**.

Элдред зашипел, словно кипящее зелье:

– Мы сэкономили время! Ритуал требовал десяти лет, а Империя...

– А Империя требовала вашего триумфа сейчас, – перебила Сильра. – Вот вы и вырезали из заклинаний всё, что казалось «избыточным»: сострадание, сомнение, право на ошибку. Превратили Дорогу в топор, который теперь рубит свою рукоять.

Виртан закрыл лицо руками. Где-то в закоулках зала перо Дороги Молчания царапало по пергаменту, выводя новую строку:

«Архимаг Виртан. Причина ликвидации: некорректное оформление артефакта класса „Судьба“. Санкция утверждена Советом».

– Ирония, – прошипел Элдред, – в том, что теперь нам придётся идти по вашей Дороге. Ведь она, как и вы, обожает протоколы... и ненавидит опечатки.

Нужно торопиться. Двое из пяти нервно потеряли бороды. Руны на столешницах перед магами забегали с разной скоростью смены. Система приняла решение. Оставалось только призвать к действию.

Ритуал: Печать и Предательство

Когда кандидатов вызвали в Зал, тишина стала плотной, как смола. Воздух дрожал от напряжения, будто само пространство сжималось вокруг Вейла и Лиры.

Виртан, стоя у мраморного стола, заметил, как дрогнула рука мужчины, поправляя очки. Тот провёл пальцем по дужке, и стекла на миг вспыхнули голубым – защитное заклинание, вшитое в оправу. *Он боится. Хорошо. Страх сделает его осторожным. Но страх – это щель в доспехах, и Дорога обязательно найдёт её.*

Лира, напротив, устроилась на краю стола, запрокинув голову. Её рыжие волосы, словно языки пламени, рассыпались по черному мрамору. Она разглядывала мозаику на потолке, где звёзды сплетались в узоры древних созвездий.

– Эй, архи Виртан, – она щелкнула пальцами, и искра метнулась к потолку, – а это что за звёзды? Те, что слева... Они похожи на дракона с больной печенью.

Верховный архимаг Виртан втянул воздух, что бы отчитать дамочку за такое неуважение к своей персоне, но не успел сказать ничего.

– Созвездие «Судьбопряд», – его голос был ровным, как лезвие гильотины. – Основатели Академии верили, что оно плетет нити законов. Но вы бы знали это, если бы читали что-то кроме комиксов на полях учебников.

Лира медленно повернулась к нему. В её глазах вспыхнул не озорной блеск, а холодное любопытство хищника.

– О, спасибо за урок, профессор. А ты уверен, что эти нити не душат тех, кто слишком туго их затягивает? – Она провела пальцем по краю стола, и мрамор под ним на миг пошел трещинами.

Виртан ударил посохом о пол. Звук, подобный треску ломающихся костей, заставил всех вздрогнуть.

– Вам предстоит пройти Дорогу Молчания и наложить Печать Забвения на Проклятый Трактат, – его голос прозвучал, как приговор. – Но знайте: Дорога будет испытывать вас. Она найдёт ваши слабости... и превратит их в ловушки.

Лира закатила глаза. Она подняла обгоревший свиток, её пальцы скользнули по краю, оставляя кровавые потеки на пергаменте. Пепел осыпался, но не на пол – частицы замерли в воздухе, образуя россыпь черных звезд. Она щелкнула языком, и звёзды дрогнули, выстраиваясь в контуры, знакомые Кариану до боли: схема Дороги Молчания, словно выжженная на сетчатке.

– Слабости? – Лира поднесла ладонь к карте, и линии ожили, поползли, как паразиты, вгрызаясь в пустоту. – Ты путаешь слабости со шрамами. Каждый проколотый здесь закон – дверь. – Её ноготь ткнул в точку, где Дорога петляла, образуя символ бесконечности. – А двери, профессор, созданы, чтобы их открывать.

Кариан сжал кулаки – Устав нельзя было просто так сгибать под свои нужды.

– Или чтобы захлопнуться, отрезав пальцы любопытным. Твои «двери» поглотили Тревин.

– Только потому, что их открыли не те люди, – Лира сжала ладонь, и карта схлопнулась в чёрную дыру, из которой потянулись щупальца теней. – Ты же знаешь, как это бывает. Запретный плод... и прочая скучная мораль.

Перед тем как тени успели коснуться Кариана, он резко вдохнул – и пространство взорвалось цифрами. Статьи Устава, как серебряные клинки, рассекли тьму.

– Порядок – не плод. Это скальпель. И если ты не умеешь им пользоваться, то отсечешь себе душу.

Лира рассмеялась, но смех её был сухим, как треск ломающихся костей.

– Душа? Ты всё ещё веришь, что она у тебя осталась? – Она разжала пальцы, и чёрная дыра исчезла, оставив на столе надпись, выжженную пеплом: **«Статья 0: Первое правило – правил не существует».**

– Она просто невозможна! Как я должен с этим работать? – Кариан холодно скользнул взглядом по Лире, пальцы непроизвольно сжав пергамент с текстом миссии. Вейл выпрямился и, насколько мог, холодно добавил:

– Вы – воплощение нестабильности. Но даже хаос подчиняется законам. Дорога это докажет.

Ли́ра вращала в руках магический кристалл, искажающий свет в призрачные узоры.

– Законы – как стекло. Чем сложнее узор, тем проще разбить. – Она бросила кристалл в воздух, и тот замер, отражая в гранях их обоих. – Ты веришь, что твой Устав переживёт столкновение с реальностью?

– Он пережил уже сотни таких столкновений. – Кариан коснулся очков, и проекция Устава накрыла кристалл, превратив его в идеальную сферу. – Ваша проблема в том, что вы путаете свободу с анархией.

– А твоя – в том, что ты путаешь контроль с силой. – Ли́ра щелкнула пальцами, и сфера треснула, выпустив наружу вспышку энергии. Оба вздрогнули, но не отступили.

– Хватит! – Виртан ударил посохом, и трещина на полу разделила их, как граница между мирами. – Вы оба – инструменты Академии. И Дорога покажет, чей метод острее.

Ли́ра усмехнулась, ловя на ладони угасающий кристалл.

– Наконец-то что-то интересное.

Кариан поправил очки, и проекция Устава погасла.

– Согласен. Проверка давно назрела.

Архимаги подняли посохи. Э́лдред выступил вперед, его тень, искажённая светом мозаики, легла на Ли́ру, словно петля.

– Начнём, пока они не убили друг друга, – прошипел он.

Посохи ударили по полу в унисон. Пол дрогнул, и из трещин выползли тени, сплетаясь в узор пентаграммы. В центре вспыхнула печать Совета – орел с мечом и пером, вырезанный из чистого света. Крылья его бились, осыпая зал искрами, которые жгли кожу как укусы ос.

– Кровь за знание, боль за силу, – запела Сильра, её голос звенел, как лезвие по льду.

Печать зависла над запястьями Кариана и Ли́ры. Кариан стиснул зубы, когда свет врезался в кожу, выжигая символ. Дым поднялся тонкой струйкой, пахнувшей паленой плотью и чернилами. Ли́ра же засмеялась – её метка зашипела, как раскаленное железо в воде, и обернулась узором из трещин, похожих на молнии.

– Этот символ откроет вам доступ к архивам Устава... и к запретным главам, – сказала Сильра, её пальцы сжали посох так, что костяшки побелели. – Но будьте осторожны. Некоторые правила... лучше не вспоминать.

– Почему? – Ли́ра повертела запястьем, любуясь трещинами. – Они кусаются?

– Они разрушают, – Э́лдред склонился к ней, и из-под капюшона блеснул красный глаз. – Слово моль – шерсть. Ты всегда хочешь большего, но за порогам лишь бездна.

Глава 1. Приказ 12/К: Командировка

Комната для брифинга Академии Элирион пахла пылью веков, смешанной с едким ароматом свежей магической краски – её замешивали на толченом обсидиане и крови строптивых чиновников, чтобы руны держались дольше декретов. Лучи света, пробивавшиеся через витраж с изображением «Триумфа Бюрократии над Хаосом», дробились о стены, некогда обитые дубовыми панелями.

Теперь вместо потертых студенческих каракулей – сердечек, похабных стишков и формул взрывчатки для начинающих – поверхности покрывали живые руны Устава. Они извивались, как стая угрей, перестраиваясь каждые семь минут. Черные символы статьи 14 «**Ограничение доступа к архивам под страхом замещения**» внезапно рассыпались, уступив место кроваво-багровой статье 667 «**Санкционированное забвение: процедура стирания неудобных фактов**». Буква «б» в слове «забвение» на миг превратилась в оскаленную пасть, прежде чем алгоритмы цензуры вернули её в рамки каллиграфии.

Вейл Кариан стоял у стола из кулара – дерева, которое росло только в те кварталы, когда Совет утверждал бюджет. Поверхность стола пульсировала в такт отчётам, впитывая чернила и нервный пот. Его стилос, зажатый в пальцах до побеления костяшек, выводил на пергаменте автоматические пометки: алгоритм «Кодекс-Превентор» сканировал руны на стенах, переводя их в прогнозы рисков. «Статья 14 → вероятность сокрытия данных: 78%... Статья 667 → риск ликвидации команды: 43%...» Цифры жгли сетчатку, вызывая пульсацию в висках – побочный эффект подавления эмоций. *Эмоции – недопустимая роскошь*, повторил он про себя, как мантру.

Последний раз, когда он позволил себе ярость, «Кодекс-Превентор» стёр неделю памяти. Теперь даже дыхание он фильтровал через логические фильтры: вдох – «рациональность», выдох – «контроль».

На противоположной стороне стола Лира Нортел развалилась в кресле, нарушая все статьи о позах, допустимых на брифингах. Её сапог с выгравированной руной «**Обход**» (нарушение дресс-кода, пункт 14) методично долбил по мозаичному полу, где когда-то был выложен девиз «**Знание – Освобождение**». Теперь там красовалась цитата из последней редакции Устава: «**Сомнение – основа санкций**».

– Статья 3, пункт «д»! – голос Вейла прозвучал как скрип несмазанных шестерёнок. – «Цель командировки должна быть сформулирована в соответствии с шаблоном 12/К-бис, иначе...»

– Иначе Дорога сотрёт нас, как Тревин? – Лира дернула цепочку на шее, и кристалл-реликвия, вмурованный в кожу, брызнул синим светом. В его глубине клубился силуэт – контур человека с руками, сложенными в жесте вечного проклятия. – Или нам придётся объяснять Совету, почему мы вернулись без печатей? О, я знаю: вы скажете, что это «непредвиденная аномалия протокола».

Вейл избегал смотреть на кристалл. Дух ее отца, некроманта Нортела, был внесён в реестр «Несанкционированных существей», но Лира носила его, как талисман – и как шип в бок Совета. Он поправил галстук, завязанный семью узлами (ритуал против забывчивости), и продолжил:

– Если бы вы ознакомились с предписанием в установленный срок...

– Читала, – она швырнула на стол перчатку с вышитой руной «**Абсорбция**». Кожаный лоскут прилип к табличке «**Подпись – только чёрными чернилами**», превратив ее в «**Подпись – только кровью**». – «Уполномоченные (вставьте имена подставных лиц) обязуются

(вставьте метод самоуничтожения) в соответствии с (вставьте ссылку на устаревший закон)». Папа бы оценил иронию.

Кристалл дернулся, и Вейл почувствовал, как по спине пробежал холодок. Алгоритм выдал предупреждение: Обнаружена аномальная магическая активность. Рекомендация: изъять артефакт. Но он знал – приказ Совета запрещал трогать реликвию. *«Она нужна для миссии»*, – сказал тогда Виртан Лоррейн, а его печать «Рода Лоррейнов» сейчас жгла карман Вейла, напоминая о долге. Он сглотнул ком в горле. Доверить Лире кристалл с духом ее отца было всё равно что дать ребенку зажженный фитиль в пороховом погребе.

Пергамент на столе взорвался синим пламенем. Механический голос, похожий на скрежет замков, заглушил их спор:

– *Иницирую процедуру «Слияние намерений». Сторона А: Вейл Кариан. Сторона Б: Лира Нортел. Цель:...*

– Расследование аномалий Дороги на участках 3-Б до 13-Г, – отчеканил Вейл, стиснув челюсти.

– ...и доказательство, что Совет сам вшил гниль в её алгоритмы, – закончила Лира, поглаживая кристалл.

Стены застонали. Руны статьи 667 поползли вниз, сплетаясь в печать Виртана Лоррейна – два дракона, пожирающих собственные хвосты. Воздух сгустился, сдавливая легкие. *Алгоритм Вейла завизжал: Конфликт интерпретаций. Риск активации протокола «Чистка» – 92%.*

Вейл схватился за край стола, пытаясь подавить дрожь в руках. Где-то в недрах Академии Дорога Молчания уже запускала механизм проверки – гул её работы напоминал скрежет гигантских шестеренок. Воздух наполнила вязкая магия, пахнувшая гарью и чернилами из Отдела Вечных Санкций. Лира прикрыла глаза, будто слушая музыку, а её кристалл засветился ядовито-зелёным. Вейл вспомнил, как тот же свет озарил деревню Тревин за секунду до того, как Дорога стерла ее за просроченную лицензию.

– Знаете, Кариан... – Лира скривилась, и кристалл на её шее вспыхнул в такт насмешке, отбрасывая на стены дрожащие блики. В его глубине, словно в аквариуме с ядовитой жидкостью, замерцали силуэты – десятки полупрозрачных теней, вцепившихся в свитки Устава. Их рты были раскрыты в беззвучном крике, пальцы стирались в дым при попытке коснуться рун. – Они до сих пор верят, что законы их спасут, – провела она пальцем по грани кристалла, и в нём мелькнули обрывки рун: кроваво-красные символы с трещинами по краям, точь-в-точь как в секретном докладе о «сбое Дороги», который Вейл случайно видел в архивах. – Мой отец создавал куда более изящные проклятия. Например, «Песнь Расходящихся Троп»... – её голос смягчился, будто она цитировала стихи, – заклятье, которое не убивает, а даёт выбор. Представляете? Ха-ха, конечно, нет. Ваш Совет предпочитает прямолинейность.

– Ваши семейные реликвии не относятся к миссии, – перебил он, стискивая стилос так, что костяшки побелели. Печать Виртана в кармане жилета вдруг раскалилась, прожгла подкладку и впилась в ребро – будто сам Лоррейн наблюдал за ними. На периферии зрения заплескали цифры: алгоритм «Кодекс-Превентор» проецировал прямо на сетчатку тревожную строку: «Совпадение паттернов: аномалии Дороги – 78% соответствия магии Нортела. Рекомендация: карантин артефакта». Вейл моргнул, пытаясь стереть надпись, но она горела, как клеймо.

Лира усмехнулась, словно прочитала его мысли. Из складок её платья, сшитого из ткани цвета ночных туманов, появился смятый лист пергамента. Бумага была испещрена штампами «УТРАТИЛО СИЛУ», а печать Совета – орёл с мечом и пером, вырезанный из чистого света, – слепила глаза, оставляя послеобразы в виде чёрных пятен.

– Не относятся? – она щёлкнула ногтем по печати, и световой символ дрогнул, осыпавшись искрами. – Тогда почему в директиве 14-бис, – её голос стал лезвием, – чёрным по белому приказывается: «нейтрализовать посторонние артефакты, угрожающие целостности Дороги»?

Вейл напрягся. Он помнил тот день, как Виртан вызвал его в кабинет с витражами, изображающими «Казнь Еретиков». Лоррейн, не поднимая глаз от документов, бросил: «Кристалл Нортела внесён в исключения. Она будет носить его – так мы отследим корень сбоев». Тогда Вейл не спросил, почему это исключение не занесено в публичные протоколы. Теперь, глядя на устаревшую директиву в руках Лиры, он понял: спецдопуск был тайным даже для Совета.

– Вы клоните к тому, что Совет лицемерит? – его стилос сам вывел на пергаменте дрожащие буквы: *«Директива 14-бис. Редакция 459. Пункт исключений: по решению главы комитета»*.

Лира рассмеялась. Звук был похож на звон разбитого стекла.

– О, милый педант! – она разорвала лист, и обрывки, прежде чем упасть, превратились в стаю бумажных журавликов. – Вы ведь знаете, что «решение главы комитета» – это Виртан, переписывающий Устав под свои нужды. – Журавлики вспыхнули, осыпав пол пеплом. – Он внес кристалл в исключения не для «анализа», а чтобы, если Дорога взбесится, во всём обвинить меня... – её палец врезался в нагрудный знак Вейла, сдирая позолоту с руны «Порядок», – и вас за компанию.

Кристалл взревел, выбросив луч света. На стене проступили контуры карты: Дорога Молчания змеилась через пустоши, а метка «Тревин» горела кровавым пятном. Вейл вспомнил доклад: деревня исчезла не из-за лицензии, а потому что обнаружила руины лаборатории Нортела. Совет стёр её, как ошибку.

Лира откинулась в кресле, словно тень, сорвавшаяся со стен полуночного собора. Нить кристалла на её запястье натянулась, зазвенев тонким звуком расходящихся миров, – будто сама реальность стала тетивой, а её пальцы готовы выпустить незримую стрелу. Ноготь, отточенный временем и яростью, щелкнул по грани артефакта, и камень ожил: из его сердцевины, словно из зеркала потустороннего океана, всплыло лицо.

Глаза – два черных колодца, вырытых в вечности. Кожа – паутина бледных шрамов, мерцающих, как Млечный Путь в час падения звёзд. Нортел. Имя, которое теперь было лишь шепотом в запретных свитках, пеплом на языке истории. Отец. Его губы дрогнули в кристалле, произнося беззвучное заклятье, а вокруг лица заплескали руны – древние, как кости земли, острые, как осколки разбитых клятв.

Кристалл вздохнул. Свет в комнате померк, будто само пламя свечей склонилось перед ним. На стенах заплескались тени – не от предметов, а от воспоминаний: силуэты сгоревших библиотек, руины лабораторий, где некогда рождались заклятья, способные переплести судьбы звёзд.

– Они боялись даже его тени, – голос Лиры прозвучал как ветер, что бродит в пустых склепах. – Теперь бояться отражения в крохотном камне.

Её пальцы сомкнулись вокруг кристалла, и на мгновение комната наполнилась запахом дождя, бьющего в старые манускрипты, – запахом времён, когда Нортел еще дышал, а его магия была не преступлением, но искусством.

Лира мгновение молча сидела, откинувшись в кресле, её поза напоминала ледяную глыбу – неподвижную, но готовую расколоть всё вокруг острой гранью. Ноготь щелкнул по кристаллу, и на стене вспыхнула карта, где вместо деревни Тревин зияло кровавое пятно.

– Давай без иллюзий, Кариан. Совет послал нас не чинить Дорогу. Они хотят, чтобы мы нашли следы *его* магии... – её голос был гладким, как лезвие, заточенное на точиле вековой лжи, – ...и уничтожили последние доказательства. Знаешь, почему Тревин стерли? Не из-за

лицензии. Они нашли руины лаборатории моего отца. Его руны повсюду вшиты в Дорогу и теперь система сходит с ума.

Вейл резко вдохнул, будто пытался сглотнуть ком, вставший в горле. Алгоритм «Кодекс-Превентор» выжег перед глазами: *«совпадение данных: 82%»*. Цифры пульсировали, как открытая рана. Он потянулся к пергаменту, чтобы записать нарушение, но рука дрогнула.

– Деревня нарушила Статью 14... – голос его звучал хрипло, словно алгоритм перекрывал кислород, – ...незаконное использование магических территорий. Совет действовал по протоколу.

Лира медленно подняла бровь. В кристалле заплясали руны – снова точь-в-точь как те, что он видел в отчете о сбое Дороги на секторе 7-Г.

– Протокол? – Она провела пальцем по воздуху, и проекция Тревина рассыпалась на фрагменты: обгоревшие страницы дневников, осколки приборов с печатью Нортела. – Это был расстрел, а не наказание. Они боялись, что кто-то расшифрует его записи. – Её глаза сузились. – Ты ведь уже видел эти руны в алгоритмах Дороги, да?

Печать Виртана в кармане Вейла вдруг раскалилась, прожгла ткань и впилась в бедро. *«Контролируй её. Кристалл – ключ к исправлению ошибок»*.

– Даже если это правда... – Вейл закусил губу, чувствуя, как цифры алгоритма въедаются в сознание, – ...твой отец нарушил все законы. Его магия запрещена. Дорога – единственное, что удерживает реальность от...

– От чего? – Лира встала, и кристалл завыл, как ветер в пустошах. – От правды? От того, что ваша драгоценная система построена на костях гения? – Она шагнула к нему, и тень от артефакта легла на его лицо, превращая черты в мозаику из света и тьмы. – Спроси свой алгоритм, Вейл Кариан. Спроси, почему совпадение 82%... а не 100.

Алгоритм дернулся, как загнанный зверь:

«Доступ к запрещенным архивам заблокирован. Рекомендация: прекратить дискуссию».

Вейл отпрянул, ударившись о стену. Его пальцы впились в пергамент, оставляя морщины на идеальных колонках цифр.

– Ты... ты хочешь разрушить всё, ради своей мести! – вырвалось у него, голос сорвался на крик. – Даже если Дорога падёт, миллионы умрут!

Лира замерла. Впервые за весь разговор её веки дрогнули, но лишь на миг.

– А сколько уже умерло из-за вашей стабильности, Кариан? – Она повернулась к двери, и кристалл на её шее замигал, как предупредительный сигнал. – Тревин... был только началом.

– Твои домыслы... – начал он, но Лира перебила, швырнув на стол смятый документ с печатью Совета.

– Домыслы? Вот директива 14-бис: *«Уничтожить все артефакты вне санкционного списка»*. – Она ткнула в строку, где перечёркнутый кристалл Нортела светился кроваво-красным. – Но ваш Виртан вычеркнул его тайным указом. Почему? Потому что без магии моего отца Дорога развалится!

Пергамент на столе внезапно вспыхнул синим пламенем. Механический голос оглушил их:

– Обнаружен конфликт интерпретаций. Активация протокола «Примирение».

С потолка упали два свитка. Вейл схватил свой – тот пах железом и горелым пергаментом.

– «Сторона А обязуется не расследовать исчезновение архива 12/К», – Вейл сжал пергамент, и бумага затрещала под его пальцами. – Это что, шантаж? Ты знаешь, что в тех документах...

– Знаю, – перебила Лира, поднося свой свиток к кристаллу. Тень от артефакта поползла по стене, складываясь в оскаленный череп. – А ты, Кариан, будешь «не упоминать инцидент в Отделе Вечных Чернил». – Она провела пальцем по строке, где кровь заменяла чернила. – Помнишь, как твой алгоритм стёр данные о подлоге Виртана? Совет назвал это «техническим сбоем», но если узнают, что ты намеренно закрыл глаза...

Череп щелкнул зубами, и Вейл почувствовал, как печать Виртана в кармане жжет кожу. Тот день всплыл в памяти: горы фальсифицированных отчётов, его стилос, дрожащий над подписью, алгоритм, глухо шепчущий: «Рекомендация: одобрить».

– Это... ложь, – прошептал он, но Лира усмехнулась, вращая кристалл.

– Нет. Это напоминание, что ты – часть системы, которую ненавидишь. – Череп рассыпался пеплом, оседая на полу. – Подписывай, если конечно, ты не хочешь, чтобы Совет получил точную копию с записью твоих сомнений.

Вейл вспомнил тот день: дым, крики, алгоритм, пожирающий его мысли. Чернила на пергаменте расплывались, превращаясь в паутину, а цифры кричали: «Сбой! Сбой! Сбой!» Сейчас его пальцы сами потянулись к шнуркам ботинок – семь узлов, семь барьеров против хаоса в голове.

– Это шантаж, – прошипел он, но Лира уже прижала его руку к пергаменту. Стилос вонзился в палец сам собой, словно алгоритм предал его в самый критический момент. Капля крови упала на строку «Сторона А обязуется...», и печать зашипела, выжигая согласие в реальности.

– Работает, – усмехнулась Лира, прежде чем он успел вырваться. Свитки слились в один, а кристалл выжег в пергаменте дыру с надписью: «Цель миссии: Истина (Скрижаль Совета vs. Кодекс Ереси)».

Печать потребовала второй жертвы. Лира, не моргнув, провела лезвием по ладони – кровь легла узором, повторяющим шрамы-руны на ее руке. Алые нити света опутали их запястья, сплетаясь в браслеты-кандалы.

Вейл потянул нить. Боль пронзила руку, а в сознании всплыло: «симбиозная связь активирована. Риск: 89%. Шанс выживания: 34%.. Нарушение протокола карается ликвидацией».

– Поздравляю, – Лира встала, поправляя перчатку. – Теперь ты официально мой надсмотрщик. А я... – её взгляд упал на браслет, – ...твоя пожизненная головная боль.

Лира встала, и браслет позволил ей отойти ровно на семь шагов. За её спиной кристалл мерцал, рисуя в воздухе руну «Обход» – символ, который Совет давно объявил вне закона.

Вейл недовольно покосился на неё. Сколько ещё придётся проглотить или сделать вид, что не заметил, из-за этого проклятого договора и графы об обязательной конфиденциальности? Его пальцы нервно перебирали бумаги, складывая их в папку с печатью Совета. Алгоритм мигал в углу зрения назойливыми предупреждениями: *Эмоциональная нестабильность. Рекомендация: игнорировать провокации*.

– До отправки тридцать минут, – пробормотал он, заглушая внутренний диалог.

Лира уже стояла в дверях, поправляя перчатку с руной «Обход».

– Не забудь завязать шнурки семью узлами, Кариан. – Её голос звучал сладкой отравой. – А то вдруг... память подведёт.

Он вздрогнул, случайно порвав угол документа. Семь узлов. Семь барьеров между им и тем днём, когда алгоритм чуть не стёр его разум. Но сейчас даже ритуал казался насмешкой. Лира исчезла за дверью, оставив за собой шлейф запаха чернил, пороха и озона.

Вейл потянул нить браслета, и боль пронзила запястье, смешавшись с горечью в груди. Чувство было сродни тому, как сегодня правда системы – холодная и отточенная, как клинок, – совпала с ересью Лир. Их резонанс рвал душу на части, оставляя лишь ледяное понимание: даже безупречность может быть проклятием.

Глава 2. Проход через ноль

Пограничный пост Дороги был архитектурным кошмаром, воплотившим в себе всю бесчеловечность системы. Черные башни из полированного базальта, словно гигантские надгробия, вздымались к искусственному небу – куполу из мерцающих голограмм, где в режиме реального времени прокручивались статьи Устава.

Каждая строка возникала кроваво-алым светом, лишь на миг застывая в воздухе, прежде чем ее поглощали новые поправки. На поверхности базальта были высечены законы, но буквы постоянно менялись: стоило кому-то приблизиться, как руны перестраивались, подменяя смыслы. «**Право на жизнь**» превращалось в «**Обязанность соответствовать**», а «**Свобода выбора**» – в «**Санкционированное решение**».

По стенам извивались цепи из сгущенного света – те самые, что в Зале Совета подавляли магию гостей. Здесь они вились, как живые змеи, реагируя на малейшее движение.

Когда Лира невольно шагнула в сторону, звенья мгновенно сжались вокруг её тени, выжигая на камне предупреждение: «**Статья 7-Г: Попытка отклонения от маршрута. Первое предупреждение**».

Между башнями сновали конструкторы, созданные по образу канцелярских кошмаров. **Скарабей-регистраторы** размером с собаку, их хитиновые спины были покрыты номерами лицензий. Вместо жвал – лезвия из черного обсидиана, вырезающие печати на каменных плитах. Каждый надрез сопровождался шипением: испаряющиеся чернила пахли гарью.

Скорпионы-архиваторы с телами из ржавого металла тащили на спинах свитки, обернутые колючей проволокой. На их брюшках мигали штампы: «**УСТАРЕЛО – УНИЧТОЖИТЬ**» или «**ПЕРЕСМОТР – ОЖИДАЕТСЯ ПОДПИСЬ**». Когда один из свитков упал, конструктор тут же проткнул его жалом, превратив в пепел.

Над всем этим кружили **стервятники-цензоры** с линзами вместо голов. Лучи света из их глаз выискивали малейшие нарушения: порванный шов на мантии, неверный наклон печати, даже слишком громкое дыхание. Обнаружив погрешность, они издавали пронзительный скрежет, и из их крыльев выстреливали иглы с парализующим ядом.

В центре этого ада возвышалась гигантская арка, сложенная из тысяч металлических печатей-шестерен. Каждая печать вращалась, вгрызаясь в соседнюю, словно механизм, перемалывающий саму реальность. А в промежутках между ними мерцали голограммы «*аннулированных*». Лица мужчин, женщин, детей – всех, кого Дорога стерла за малейшие провинности. Их рты были открыты в беззвучном крике, глаза заменены на штампы с датами: «*12.03. Эр. 459 – Ликвидация за просроченную лицензию на проживание*», «*01.01. Эр. 461 – Устранение за хранение запрещенной литературы*».

Воздух вокруг портала вибрировал, наполняясь гулом, похожим на скрежет зубчатых колес.

Вейл сделал шаг вперед, пальцы нервно подтянули оправу очков – тонкую полоску обсидиана, в которую были вплавлены руны подавления мигрени. Алгоритм «Кодекс-Превентор» замигал в углу зрения, проецируя прямо на сетчатку кроваво-красные строки: «*147 нарушений Устава в радиусе 5 метров. Уровень угрозы: критический. Рекомендация: немедленно покинуть зону (Статья 7-Г, п. «Бегство как крайняя мера»)*».

Буквы пульсировали в такт его сердцебиению, оставляя послеобразы в виде трещин. Он сглотнул ком в горле – алгоритм уже месяц требовал удалить эмоциональные фильтры, но без них он бы давно сошел с ума.

Лира, напротив, казалась невесомой, как дым от сожженных пергаментов. Её ноготь с руной «**Прорыв**» ткнул в жука-регистратора, чье брюшко светилось номером статьи 7-Г. Насе-

комое взорвалось с хлопком, похожим на лопнувший пузырь чернил. Пепел осел на ее кожу, оставив узоры, словно карта запрещенных архивов.

– Здесь всё – нарушение, – она провела языком по губам, ощущая привкус кислоты и чего-то металлического. – Даже твоё дыхание. Разве не слышишь?

Воздух действительно гудел на частоте ровно 17 Гц – резонанс, вызывающий тревогу. Из-за стола, сложенного из черепов (на лбу одного красовалась печать **«Уволен за чрезмерную инициативу»**).

Поднялся Арбитр.

Существо, поджидавшее путников, казалось порождением самой системы. Его тело состояло из подвижных пергаментных лент, туго обмотанных вокруг стального каркаса. Ленты были исписаны микроскопическими статьями Устава, которые постоянно переписывались. Вместо лица – вращающийся цилиндр с тремя печатями:

Первая печать – изумрудная печать с орлом, вонзившим когти в свиток с подписью **«Одобрено»**. Вторая – рубиновая печать с изображением руки, сжимающей горло – **«Отклонено»**. И последняя с глифом **«На доработку»** была цвета янтаря с песочными часами, где вместо песка текли чернила.

Когда Арбитр заговорил, его голос скрипел, как несмазанные шестерни, а каждое слово сопровождалось щелчком: печати на цилиндре останавливались, фиксируя статус.

– Цель (щелчок – **«На доработку»**), – механическая рука вытянулась к Вейлу, и из ладони выдвинулся стилос, готовый проткнуть документ. – Документы (щелчок – **«Одобрено»**). Основание (щелчок – **«Отклонено»**).

Из рта сыпались миниатюрные печати, падая на пол и превращаясь в скорпионов с жалами-стилосами.

Лира едва успела отдернуть руку, как стилос вонзился в камень, оставив дымящуюся дыру. Арбитр наклонился, и пергаментные ленты на его шее зашелестели, выискивая несоответствия в их одежде, дыхании, даже в биении сердец.

Даже воздух здесь был пропитан магией подавления. Руны на стенах душили любое заклинание гостей, превращая его в чернильные кляксы. В углах клубился туман из микроскопических символов Статьи 7-Г, готовый заполнить легкие нарушителя и превратить его в строку отчета.

Воздух гудел от жужжания жуков-регистраторов, их хитиновые брюшки светились киноварью, выгрызая буквы на лету. Стены, покрытые рунами-хамелеонами, меняли смысл при каждом шаге: **«Добро пожаловать»** оборачивалось **«Подготовьте документы»**, а затем **«Смерть за несанкционированное дыхание»**.

Портал Дороги – гигантский полудиск из сплавленных печатей – вращался, как жернов, перемалывая реальность. Его поверхность была инкрустирована лицами: те, кто не прошёл проверку, навеки застывали в серебристом металле.

Вейл протянул свиток. Документ вспыхнул синим пламенем, и в воздухе замерла голограмма – двуглавый орел, его когти впились в собственные крылья. На секунду казалось, что перья рассыпаются в цифры: 459... 461...

Его пальцы непроизвольно дернулись к очкам. Обсидиановая оправка обожгла кожу – руны подавления мигрени сработали вхолостую, будто алгоритм «Кодекс-Превентор» захлебнулся.

В ушах зазвенело: *«Аномалия: печать Совета не соответствует шаблону 3-А (раздел «Геральдика»).* Рекомендация: *уничтожить свидетельство».*

Лира прикусила губу. Тень в ее кристалле дернулась. Пепел на коже сложился в руну **«Молчание»**. Стервятники-цензоры вдруг замерли, их линзы затуманились.

– Здесь всё – нарушение, – прошептала Лира, ощущая вкус железа на языке. – Даже тишина.

Вейл молчал. Его стилос вывел в воздухе статью 3-А, но буквы расплылись в черные капли. Где-то в глубине сознания он понимал: Дорога уже начала охоту.

– Мило, – она провела ногтем по руне **«Прорыв»** на запястье, оставляя царапину.

Арбитр щелкнул. Штмп **«Отклонено»** замигал, но не успел выстрелить лучом – Лира уже крутила в пальцах обгоревший обломок печати, найденный у портала. Чернила на нём складывались в слово: **«Лоррейн»**.

– Кажется, ваша птичка, – глядя на некорректный символ Совета, она бросила обломок под ноги Арбитру, – линяет.

Арбитр проигнорировал провокацию – протоколы требовали завершить проверку. Печать с именем канцлера Совета застыла в луже собственной сажи. Арбитр на миг замер – цилиндр с печатями завис между **«На доработку»** и **«Отклонено»**. Казалось, даже бездушный механизм распознал угрозу. Но протоколы перевесили: ленты на его шее зашелестели, сканируя их сердца, будто пытаясь вырвать секреты прямо из грудных клеток.

Где-то вдали закрипели шестерни портала. В воздухе запахло горелой кожей – стервятники-цензоры начали новый круг. Вейл начал было:

– Расследование аномалий на участках...

– **Неверно.**

Арбитр рванул лентой-рукой. Свиток разорвался с хрустом ломающихся ребер. Ключья бумаги превратились в рой конструкторов-ос – их брюшки светились цитатами из Статьи 14.

– **Цель: уточнить. Пункт 7-Г требует лицензии временного игнорирования протоколов.**

Лира рассмеялась. Звук был похож на звон разбитого витража.

– Лицензия на что? На вдох? На моргание? – она щелкнула пальцами, и кристалл на её шее выбросил луч света. Тень внутри – силуэт мужчины в мантии с рунами некромантии – метнулась к Арбитру, но луч из его груди пронзил её насквозь.

Стена за спиной Лире ожила. Проступили строки доклада:

«Объект 667-К («Кристалл Нортела»). Основание для уничтожения: – Хранение без грифа «Совершенно секретно» (п. 45-В); Несоответствие цвета оправы стандарту (требуется: чёрный обсидиан, фактически: базальт с прожилками кварца).»

Арбитр дрогнул. Его пергаментные ленты зашелестели, как змеиная стая: — **Санкция: аннулирование.**

Чиновник Совета – тощий незаметный человек с лицом, напоминающим смятый черновик – робко выдвинулся вперёд. Его пальцы дрожали, оборачиваясь вокруг удостоверения с печатью **«Экстренный доступ 12-Ж»**.

– П-прошу прощения... – голос его треснул, как пересохший пергамент. – Форма 12-Ж предусматривает...

Арбитр повернулся. Штмпы в глазах завертелись, выстреливая лучами сканера.

– **Цель: ликвидация угрозы через анализ...**

– **Некорректно.** – Голос Арбитра взвыл сиреной. – *Слово «анализ» требует: Подпункта 45-В (утвержденные методики); Формы 12-Ж/бис (трехсторонняя виза); Справки о психической устойчивости (шаблон «Дельта-7»).*

Чиновник отшатнулся. Его ботинок наступил на тень от цепи – светящееся звено впилося в пятку, начав растворение с ноги.

– Н-но... – он посмотрел на Вейла, глазами-пуговицами.

– **Санкция: аннулирование.**

Тело чиновника начало распадаться слоями, как луковица: одно за другим, кожа мышцы и кости – истлели в облако цифр: даты назначений, номера приказов, суммы взяток.

На полу остался лишь штамп: – **«Изьят»**

Причина: несоответствие параметрам цели (отклонение: 0.7%). Дата: сейчас.»

Лира замерла. Её кристалл потускнел, но тень внутри вытянула руку, указывая на печать Арбитра. На стальной пластине под штампом **«Одобрено»** мелькнула микроскопическая гравировка:

«Лоррейн. Внесение несанкционированных правок. 459 год.»

Вейл сглотнул, чувствуя, как алгоритм бьётся в его черепе, словно сова, пытающаяся вырваться из ловушки. *«Риск аннулирования: 99%. Рекомендация: переформулировать цель согласно шаблону 12/К-бис»* – буквы плясали перед глазами, сливаясь с тенями от цепей света на стенах. Его пальцы сжали стилос так, что обсидиановая ручка впилась в ладонь, оставляя кровавые зазубрины.

– Мы должны... – начал он, но Лира уже шагнула вперёд, её плащ взметнулся, как крыло летучей мыши.

Она встала так близко к Арбитру, что пергаментные ленты на его теле затрепетали, зашелестев сухими листьями умирающего архива. Её дыхание, пахнущее серой и чернильными орешками, заставило печати на его цилиндре замереть между **«Одобрено»** и **«Отклонено»**.

– Цель: гармонизация функциональных параметров Дороги Молчания через синтез уставных норм и внесистемных паттернов, – произнесла она, выкручивая каждый слог, будто вбивая гвозди в гроб.

Арбитр завис. Его грудь из пергаментных лент вздулась, как переполненный чернильник, и выплюнула новый свиток. Текст на нем формировался на глазах:

«Внесистемные паттерны... Требуется уточнение (п. 14-Г, подраздел «Запрещённые методики»))».

Лира ухмыльнулась. Кристалл на её шее дрогнул, и тень внутри – силуэт мужчины в мантии, с руками, сложенными в жесте вечного проклятия – рванулась к краю артефакта.

– Паттерн 667-К, – она щелкнула пальцами, и кристалл выстрелил лучом в пепел у своих ног. Частицы поднялись, словно чёрный снег, и сложились в печать Виртана Лоррейна: дракон, пожирающий собственный хвост. – Санкционировано Главой Комитета. Лично. Со всеми... нюансами.

Арбитр наклонился, его «лицо» мигнуло жёлтым – штамп **«На доработку»** застыл на песочных часах, где чернила вместо песка стекали в бездну. Вейл воспользовался паузой. Его стилос вздрогнул в руке, выжигая в воздухе голограмму Устава – золоченые буквы, переплетенные с кроваво-красными рунами Нортела.

– Основание: Статья 0, – голос его дрогнул, будто рвущаяся струна. Алгоритм в висках завизжал: *«Предупреждение! Несанкционированная ссылка!»*, но Вейл продолжил, впиваясь ногтями в ладони, чтобы не сойти с ума от боли. – Экстренные полномочия в условиях угрозы целостности.

Пергаментные ленты Арбитра начали рваться. Под ними открылась пустота – черная дыра, усеянная печатями **«Отклонено»**, как звёздами в ночи безлуния. Из глубины выползли щупальца из спрессованных документов, но Лира уже прижала кристалл к голограмме.

Тень её отца протянула руку. Пальцы из тьмы коснулись кода Дороги, и руны вспыхнули ядовито-зелёным. Воздух наполнился запахом полыни и раскаленного металла – аромат запретной магии, от которой у Вейла заслезились глаза.

– **Подтверждаю**, – прошипел Арбитр, и его рот разорвался, выплюнув лицензию. Клочок кожи, обугленный по краям, упал к ногам Леры. На нём дымились слова:

«Допуск: до первой ошибки. Основание: параграф 00.0 («Несуществующие привилегии»»).

Портал взревел – звук, похожий на смесь скрежета гигантских шестерен и рёва урагана. Печати на его поверхности завертелись с такой скоростью, что металл загорелся раскаленным алым, образуя воронку. Воздух наполнился запахом расплавленного свинца и озона. Вейл потянул Лиру за браслет связи, но она рванулась вперёд, её пальцы скользнули по его запястью, оставив следы от ногтей.

– Боишься, что твой алгоритм не одобрит? – её голос прорвался сквозь грохот, как лезвие сквозь пергамент. Рыжие волосы Лиры вспыхнули в отсветах пламени, превратившись в огненный ореол. Не дожидаясь ответа, она бросила взгляд на его очки, где уже мигало предупреждение: *«Запрещённая зона. Отступить»*.

Он не успел ответить. Печати-шестерни начали отрываться, падая вниз метеоритами. Каждая при ударе о пол взрывалась ослепительными вспышками, оставляя после себя трещины, из которых сочился жидкий свет – словно Дорога истекала магмой из нулей и единиц.

Лира прыгнула в воронку. Её кристалл выстрелил спиралью черных звезд – не просто след, а **закодированный узор**, заставляющий печати взрываться при приближении. Вейл ринулся следом, чувствуя, как сканеры Дороги впиваются в него тысячами игл. Алгоритм «Кодекс-Превентор» захлебывался в его сознании:

«Обнаружен код Нортела.

Уровень заражения: 99.9%.

Рекомендация: карантин.

Рекомендация: карантин.

Рекомендация...»

Предупреждения выжигали сетчатку, но он уже не мог остановиться.

Они проходили Слои реальности. **Архивы-лабиринты** с их стенами из переплетённых корешков книг, которые шипели, как змеи, когда герои пролетали мимо. Страницы рвались, превращаясь в бумажных химер – существа с клыками из цитат и когтями из сносков. Одна вцепилась Лире в плащ, но кристалл испепелил её лучом, оставив пепел в форме вопросительного знака.

Второй точкой пересечения были **Пустыни декретов**. Бескрайние дюны из черного песка, где вместо ветра бушевали статьи Устава. Буквы летели, как осколки стекла, оставляя на коже Вейла кровоточащие порезы: *«Статья 14-Г... Статья 7-В...»*. Лира прикрыла лицо рукавом, но песок въедался в дыхание, превращаясь в слизь на языке.

И наконец, **Озеро печатей**. Зеркальная поверхность, где их отражения корчились в немом крике. Вейл увидел себя – с пустыми глазницами, заполненными бегущими строками кода. Лира же отражалась как тень с крыльями из пергамента. *«Вы – нарушение»*, – шептала вода, и с каждым словом на дне проступали лица аннулированных.

Портал выплюнул их на дорогу из костей. Не человеческих – *костей времени*, искривленных и прозрачных, как слюда. Каждая кость светилась изнутри тусклым голубым светом, словно в них застыли осколки забытых эпох. Обломки стен висели в воздухе, как осколки разбитого зеркала: в одних отражался Тревин до уничтожения – с дымящимися трубами пекарен и смехом детей, в других – лишь пустота, обгрызенная законами Дороги. На ржавой табличке **«Ликвидировано»** гвозди из чёрного света пульсировали, будто вбитые в саму ткань реальности. Их тени извивались на земле, как черви, выгрызая из песка слова: **«Причина: несоответствие»**.

Ли́ра подняла обгоревший кирпич. Руна Нортела на нём светилась ядовито-зелёным, как светлячок в смоге. Её пальцы обожгло – магия отца всё ещё жила в камне, – но она не отпустила.

– Добро пожаловать в ад, созданный вашими правилами, – её голос звучал хрипло, будто пересыпан пеплом. Ветер донес запах гари – тот самый, что стоял в Зале Совета в день уничтожения Тревина. Запах сожженных книг, детских игрушек и надежд.

Вейл не ответил. Его взгляд приковало к небу. Среди туч из пепла, похожих на гигантские свитки с зачеркнутыми статьями, плыла печать-глаз Дороги – гигантский зрачок, собранный из миллионов штампов. Каждый штамп был лицом:

Архимаг Виртан с бородой из спутанных параграфов;

Элдред с глазами-черепами, жующими пергамент;

Он сам в юности – с очками, запотевшими от слез, когда алгоритм впервые стёр его воспоминания.

Глаз повернулся. Лучи-сканеры, похожие на спицы гигантской шестерни, ударили по земле. Руна Нортела на кирпиче взорвалась искрами, но Ли́ра прижала кристалл к груди – тень внутри вытянулась, поймав луч. На мгновение в воздухе проступил силуэт мужчины в мантии, сжимающего свиток с рунами.

Вейл неотрывно смотрел на гигантскую печать-глаз, где в каждом штампе пульсировали знакомые лица. Там был **Виртан Лоррейн** – его борода сплетена из параграфов Устава, глаза горят зеленым светом запретных рун. Рядом – **Элдред Вейнмар**, чьи губы шевелились, беззвучно повторяя: «*Санкционировано... Санкционировано...*». И он сам, **Вейл Кариан**, каким был десять лет назад: юноша в очках, стирающих слёзы, когда алгоритм впервые стер его память.

– Она нас видит... – прошептал он, чувствуя, как Дорога сканирует каждую мысль.

Ли́ра с силой сжала треснувший кристалл. Чёрная жидкость – смесь чернил Совета и крови её отца – текла по пальцам, оставляя ожоги.

– Не она, – её голос звучал резко, как удар стилоса по пергаменту. – Это они. Твои драгоценные архимаги. – Она ткнула пальцем в печать-глаз, где лицо Виртана исказилось, словно пытаясь вырваться. – Они вшили свои души в код Дороги, чтобы править вечно. Теперь этот монстр – их единственная плоть.

Впереди, в тени разрушенной ратуши Тревина, шевельнулся силуэт. Из-под груды обломков, пахнущих гарью и ржавчиной, выполз жук-регистратор. Его хитиновый панцирь был расплавлен, словно кто-то вылил на него кислоту. Оставшиеся лапки скребли по камням, издавая звук, похожий на скрип стилоса по стеклу. На брюшке, покрытом трещинами, мигнул красный индикатор:

«Нарушители обнаружены. Иницирую протокол: Очищение».

Дорога Молчания никогда не прощала ошибок. Особенно тех, кто их нашёл.

Ли́ра присела, смахнув пепел с трещины в земле. Ее пальцы дрогнули, когда из разлома потянулся дым – густой, маслянистый, пахнувший серой и пылью древних свитков. Внутри дыма мерцали блеклые руны, похожие на шрамы.

– Здесь был портал отца, – её голос звучал чужим, будто через нее говорил сам кристалл, подвешенный на шее. – Ты слышишь? – она повернулась к Вейлу, пока Дорога сканировала их укрытие. – Даже камни здесь шепчут его имя. Дорога стерла его, но руны... они как вирусы. Цепляются за реальность, мутируют, размножаются в трещинах.

Вейл нахмурился. В его очках всплыла голограмма – карта аномалий, испещренная кроваво-красными метками. Алгоритм «Кодекс-Превентор» вывел предупреждение:

«Совпадение с кодом Нортела: 89%. Риск коллапса пространственно-временного континуума: критический.»

– Если мы активируем их, Дорога сотрёт нас до атомов, – он сжал стилос так, что костяшки побелели. На пергаменте уже проступали строки: *«Статья 14. Незаконное вмешательство в работу санкционированных систем...»*. Но взгляд его уперся в спину Лиры. Сквозь разорванную мантию проступала татуировка – руна **«Прорыв»**, та самая, что Нортел вшил ей в детстве.

– Если мы активируем их, Дорога сотрёт нас до атомов, – голос его дрогнул. На сетчатке мигал счётчик: *«Вероятность выживания: 0.3%»*.

Лира обернулась. Её глаза, отражающие зелёный свет рун, сузились:

– Ты прав. Она попытается. Но у нас есть то, чего у неё нет.

Она ткнула пальцем в его грудь, туда, где под мантией прятался приказ Виртана с печатью **«Экстренные полномочия»**.

– Свобода ошибаться, Кариан.

Вейл вздрогнул. Алгоритм твердил: *«Рекомендация: нейтрализовать источник дезинформации»*. Но впервые за годы он увидел в голограмме не угрозу, а узоры – когда руны Нортела сплетались со статьями Устава, создавая новый код.

– Дорога ошиблась, – он провёл ладонью по очкам, стирая рекомендации. Красные метки сменились золотыми нитями. – Она думает, что истины можно стереть. Но они... возвращаются.

Лира медленно улыбнулась. Не едкой усмешкой, а почти человечески – словно впервые за долгие годы позволила себе слабость.

– Я бы выбрала слово “Перерождаются”. Но, да. Значит, ты всё-таки начал видеть.

Лира встала, и тень от кристалла удлинилась, дегла на руины. Развалины дрогнули, обнажив призрачные контуры лаборатории: столы с ретортами, свитки, застывшие в воздухе, силуэт мужчины в мантии, склонившегося над древним текстом. – Отец не создавал оружия. Он хотел...

Ее слова заглушил рёв. С неба ударил луч печати Дороги – ослепительно-белый, как свет сварки. Он разрезал остатки стен, превращая камень в песок, а песок – в чёрные кристаллы, рассыпавшиеся с шипением. Воздух заполнил запах раскаленного кремния.

– **Обнаружены незарегистрированные изменения. Санкция: немедленная ликвидация**, – прозвучал механический голос, и из-под земли выползли тени, приняв форму стражей с клинками из спрессованных документов.

Вейл схватил Лиру за руку, таща к полуразрушенной арке, ещё не тронутой лучом. Алгоритм выжег в его висках боль – острую, как удар раскаленной иглой:

«Прямое нарушение Статьи 14. Рекомендация: сдать нарушителя. Немедленно.»

Но её пальцы впились в его ладонь так, что кости затрещали.

– Выбирай, Кариан, – её глаза сверкнули, отражая мерцание кристалла. – Твой алгоритм... или истина.

Где-то в дыму, сквозь вой ветра, уже слышался скрежет шестерней – будто гигантский механизм переключал передачи, наращивая мощь. Дорога вела охоту.

В **Секретном архиве Совета**, спрятанном за семью печатями молчания, воздух был густ от пыли веков. Полки из черного дерева, выгрызенные шашелем-шифровальщиком, тянулись до потолка, где вместо ламп горели замурованные души писцов. Здесь хранились документы, которые никогда не должны были увидеть свет: договоры с демонами Империи, отчёты о запрещённых ритуалах... и тонкая папка с грифом **«Тревин. Уничтожить»**.

В ту ночь папка зашевелилась. Обгоревшие края начали регенерировать, как плоть под заклятьем некроманта. Буквы проявлялись на страницах, будто невидимый писец водил пером по коже:

«14.09.Эр.459: Обнаружены руины лаборатории Нортела...»

«15.09.Эр.459: Совет проголосовал за применение Статьи 667...»

«16.09.Эр.459: Деревня Тревин стёрта. Свидетелей нет.»

На последней странице печать Виртана Лоррейна – орёл, терзающий свиток – вдруг вздулась волдырём. Из-под неё выползла тень, приняв форму человека в мантии с капюшоном. Тень коснулась строки *«свидетелей нет»*, и чернила закипели, преобразуясь в новую фразу: *Свидетель: Лира Нортел. Статус: жива.»*

Где-то в глубине архива заскрипели жуки-шифровальщики. Система очистки активировалась, но было поздно – правда, как споры плесени, уже пустила корни.

Глава 3. Территория 3-Б. Бывший Тревин

Тревин встретил их тишиной, густой, как чернильная тень. Вейл замер на краю бездны, где когда-то кипела жизнь, а теперь зияла пустота, заполненная искаженными силуэтами зданий. Руины напоминали гигантские канцелярские папки, брошенные безумным архивариусом. Стены, некогда высеченные из аметистового мрамора, превратились в хрупкую бумажную массу, обугленные края которой крошились при малейшем прикосновении.

На облупившихся фасадах угадывались фрески: лица горожан, стертые до бледных овалов, с алыми печатями вместо глаз – словно слепыми клеймами системы. Каждая печать пульсировала, как незаживающая рана, напоминая о тысячах ненаписанных апелляций.

Небо над головой дышало сводом параграфов. Статьи Устава, сплетенные в светящуюся ажурную сеть, фильтровали солнечный свет, отбрасывая на землю тени-приговоры. Параграф 44.3 прополз по щеке Лиры, оставив холодный след, когда она шагнула вперед.

Под сапогом захрустела почва – не земля, а спрессованные слои пергаментов, прошений и формуляров. Обрывки фраз вырывались из-под ног, словно проклятия: «...*нарушение п. 8.7...*», «...*подтверждаю своё существование...*».

– Здесь даже воздух подаётся в трёх экземплярах, – проворчала Лира, поднимая обрывок пергамента. Чернила расплылись в признании, словно слеза: «...*да будет известно, что я, мэр Тревина, подтверждаю своё существование на дату 12/Эрг-578...*». Она сжала лист, и тот рассыпался в прах, пахнувший горечью железа и тления.

Вейл молча наступил на тень параграфа 8.7. Под ногой щелкнуло, словно сработал невидимый механизм, и из земли вместе с всполохами дыма вырвался голос – бездушный, склеенный из обрывков тысяч бюрократических отказов:

– *Нарушение. Пункт 12-Г. Санкция: стирание.*

Он отпрянул. Тень статьи, словно живая, поползла за ним, выцарапывая на пергаментной почве цифры несуществующего дела. Лира схватила его за рукав, потянув в узкий проход между руин.

– Ты хочешь стать следующим пунктом в их протоколе? – шипела она, обходя груды обугленных свитков. Кариан предпочитал ей не отвечать.

Они двинулись вглубь лабиринта этого канцелярского апокалипсиса. Ветер, пробираясь сквозь щели руин, выводил скрип пера по пергаменту – будто невидимый писец дописывал последнюю главу Тревина.

Где-то в глубине, за обвалившимися арками, шептались клерки-призраки, перебирая даты казней, как чётки: – *15/Эрг-578... 15/Эрг-578... 15/Эрг-578...*

Их голоса сливались в монотонный гул, напоминающий жужжание пчел-конструкторов.

Лира остановилась, втягивая воздух. Горечь чернил смешивалась со сладковатым дымом – не древесным, а плотным, удушающим, словно жгли не брёвна, но архивы. Она провела пальцем по обгоревшей колонне, и та рассыпалась, обнажив внутренности. Спрессованные заявки на рождение, разрешения на торговлю луком, прошения о дожде... Бумажные слои шевелились, как личинки, обнажая кости системы.

– Посмотри, – Вейл нажал на рукоять жезла «Кодекс-Превентор» – устройства, анализирующего законы. Голубое свечение выхватило из темноты фреску: десятки лиц с пустыми глазницами, где вместо зрачков пульсировали кровавые печати. – Дорога уже здесь. Она переписывает реальность под свои правила, – Одна из печатей развернулась, направляя на них клеймо-луч. – Если мы...

Вейл схватил спутницу за рукав, оттаскивая Лиру в сторону.

Гул усилился. Свод «неба» из светящихся параграфов сжался, формируя гигантский глаз. Зрачок-печать нацелился на них.

Луч, словно окровавленный палец, указал на центр площади. Там возвышалась стела из чёрного обсидиана, испещренная серебряными жилами, эдаким текстом-паразитом, пульсирующим под кожей камня. Нити шевелились, перестраивая текст под грехи каждого нового читающего:

ПРОТОКОЛ ЛИКВИДАЦИИ №667-001

Основание: отсутствие подписи уполномоченного лица в форме 12-Г (п. 8.7 Устава).

Дата нарушения: 03/Эрг-563.

Дата исполнения: 15/Эрг-578.

Подпись: _____

Лира провела пальцем по обугленному краю. В углу гордо мерцал глиф «**Вечное забвение**». Чернила, некогда багровые, выцвели до ржаво-коричневого, но кое-где проглядывали странные фиолетовые прожилки, словно чернильный состав был неоднороден.

– Смотри, – её ноготь ткнул в строку о регистрации городского колодца. – Стандарт 459 года требовал лазурно-синих чернил для водных объектов. Но здесь... – она повернула пергамент к свету кристалла, и прожилки вспыхнули ядовито-лиловым. – Оттенок отклоняется на 0.3% по спектрограмме. Дорога сочла это подделкой.

Вейл взял лупу-анализатор. В окуляре цифры пульсировали, как разъяренные осы:

«Цветовой код: #4B0082.

Отклонение от эталона: 0.37%.

Санкция: Статья 4-Г, подпункт «Фальсификация магических маркеров».

– Бред, – он швырнул лупу на стол. Прибор, ударившись о камень, вывел в воздухе голограмму – микроскопический знак качества на краю листа. – Чернильница писаря Тревина была загрязнена. Кто-то мыл перо в зелье от лихорадки... Вот и вся «фальсификация».

Лира рассмеялась, но смех ее был сухими и безрадостным. Она достала из-под обшлага засаленную палитру эталонов – пластину с дырками, каждая заполнена чернилами разных лет. Фиолетовая прожилка идеально совпала с образцом 457 года.

– Совет специально сменил эталон в 458-м. Значит, Тревин использовал устаревшие, но легальные на момент подписания чернила. – Она ударила кулаком по ближайшей стене, и с сохранившегося еще куска потолка посыпалась штукатурка с фрагментами фресок. – Их уничтожили не за ошибку. За неудобную внимательность.

Вейл поднял обломок фрески. Под слоем копоти угадывалась надпись: «*Акт проверки от 12.03.Эр.457. Чернила соответствуют стандарту*». Рядом – печать эксперта, стертая Дорогой так, что остался лишь осколок фамилии: «...ов».

– Они знали, – прошептал он. – Совет не мог допустить, чтобы Тревин оспорил ретроактивные правки. Потому и... – Голос сорвался, когда алгоритм в очках вывел сканы из архива: записи о партии чернил 457 года, исчезнувшие из реестра ровно за день до ликвидации города.

Лира прижала кристалл к голограмме. Тень отца вытянула руки, и цифры начали течь, складываясь в новую картину: чиновник в потертом мундире подменяет эталоны в хранилище, а Дорога, слепая до этого момента, вдруг «замечает» нарушение в Тревине.

– Не ошибка, – сказала она, и фиолетовая прожилка на пергаменте вдруг ожила, завертевшись небольшим водоворотом цвета крови. – Предлог. Тревин стал песчинкой в шестернях их конструкта. – Кристалл рвануло яркой вспышкой, и прожилка взорвалась фиолетовым пламенем – цветом яда, цветом лжи.

Пламя выжгло на стене правду, которую нельзя было стереть:

«Санкционировано уничтожение Тревина. Причина: опасная компетентность.»

Подпись: Виртан Лоррейн.

Чернила: эталонные, #0000FF.

Отклонение: 0%.»

Воздух застыл. Даже Дорога, вечно жужжащая шестернями, смолкла, будто затаив дыхание.

Лира сжала кристалл так, что тонкие трещины поползли по его граням. Зеленоватый свет артефакта вырвался наружу, окрасив её лицо в ядовитые тона.

– Лоррейн... – её голос звучал как лезвие, проведенное по шраму. – Ты знал, что он замешан, но чтобы настолько...

Вейл не отвечал. Его пальцы впились в жезл, покрывавшийся инеем. Логические схемы устройства трещали, пытаясь обработать абсурд:

«Архимаг Виртан Лоррейн. Глава законодательного комитета. Стаж: 47 лет. Нарушений: 0. Рекомендация: доверять.»

Он сорвал очки, чтобы цифры перестали жечь глаза. Но правда уже висела в воздухе – жирным шрифтом, подписанная кровью Тревина.

– Ретроактивная справедливость, – прошептал Вейл. Его жезл покрылся инеем, логические схемы замёрзли, пытаясь вычислить абсурд. Они уничтожили город не за ошибку. **За правду**, которая могла их разоблачить. Чернила... Он махнул жезлом на стену, и иней рассыпался, как разбитое стекло. – Чернила – это лишь ширма.

Лира резко обернулась. В ее глазах горело то, что не мог выразить кристалл – праведная ярость целых поколений.

– Твой драгоценный Совет... – она ткнула пальцем в подпись Виртана, и буквы зашипели, как раскалённое железо. – Они даже не трусливые убийцы. Они *бухгалтеры*, Кариан. Подсчитывают чужие жизни в графах расходов.

Вейл молча поднял с пола обломок фрески. На нём всё ещё виднелся фрагмент печати эксперта: «...ов».

– Гарринов, – внезапно выдохнул он. – Эксперт по чернилам. Его отчёт исчез из архивов в тот же день, когда... – Алгоритм в его жезле взвыл, пытаясь заблокировать воспоминания, но было поздно. – Они убрали его. Как Тревин. Как нас, если мы...

– Если мы не заткнемся? – Лира оскалилась. Тень отца за её спиной повторила жест, обнажая руну **«Возмездие»** на запястье. – Послушай, педант. – Она приблизилась вплотную, и запах гари от её плаща смешался с холодом его логических схем. – Ты сейчас видел, как твоя священная система сожрала город из-за подписи в документе. Что будешь делать? Продолжить цитировать Устав?

Его жезл дрогнул. Лёд на поверхности начал таять, капли падали на пол, оставляя следы, похожие на слёзы.

– Я... – он замер, глядя на свою руку, которая впервые за десять лет дрожала. – Я не знаю. Лира схватила его за запястье. Кристалл жёг кожу, но она не отпускала:

– Тогда запомни: Виртан подписал смерть Тревина. А мы подпишем смерть его лжи. Хочешь ты того или нет.

Где-то в глубине тоннеля заскрежетала Дорога, пробуждая новых стражей. Но сейчас это не имело значения. На стене, под подписью Виртана, уже проступали новые строки – трещины, сложившиеся в предупреждение:

«Свидетели обнаружены. Иницирован протокол 667-бис: Санкционированное забвение личности.»

Лира выхватила жезл Вейла, игнорируя его протестующий взгляд. Фиолетовые искры брызнули из кристалла, соединившись с голубыми линиями «Кодекс-Превентора».

– Твой алгоритм ищет закономерности? – Она прижала жезл к стеле, где уже пульсировали строки нового протокола. – Пусть ищет противоречия. Найди, за что зацепиться!

Кристалл завибрировал, проецируя переплетение статей:

Статья 667-бис: *«Свидетели нарушений подлежат аннулированию без права восстановления данных.»*

Статья 0: *«Реальность имеет право на сопротивление.»*

– Конфликт норм, – пробормотал Вейл, пальцы мелькая над жезлом. Логические схемы перегревались, дымясь едким запахом. – Если Статья 0 ещё действует...

– ...то мы – часть «реальности», которую нельзя просто так стирать! – Лира вонзила кристалл в трещину на стеле. Фиолетовые прожилки поползли по серебряным жилам, как яд по венам.

Дорога взревела. Из разломов полезли тени-цензоры – существа с лицами из штампа «Удалено». Их пальцы были ножницами, вырезающими фрагменты пространства.

– Меня уже пытались стереть однажды, – рыкнула Лира, швыряя в них обломки фресок. – Преуспели только в том, что наклепали заплаток!

Вейл, перепрограммируя жезл, поймал луч света от кристалла. Голубые линии алгоритма сплелись с фиолетовыми прожилками, создав глиф-вирус – символ, пожирающий печати.

– Сейчас! – он ударил жезлом о землю. Взрыв тишины. Глиф впился в стелу, заставив строки Протокола 667-бис рассыпаться.

На их месте проступило:

«Аннулирование отменено. Основание: параграф 0.1 (Право памяти).»

– Не «аннулировано», – Лира выдохнула, поднимая обугленный лист с печатью Нортела. – Переопределено.

Дорога захлебнулась. Метка на запястье Вейла, уже почти впившаяся в кость, вдруг потухла, оставив шрам в форме разорванного свитка.

– Протокол аннулирован, – произнёс Вейл, но его голос дрогнул. На запястье мерцала новая метка – орёл с когтями, впивающимися в кожу. *«Условно одобрено»*. Крылья бились при каждом движении, будто пытались вырваться, увлекая его руку к жезлу. *«Вернись к порядку. Исправь ошибку»*, – шептала система прямо во внутреннем ухе.

Ли́ра схвати́ла его́ за рукав. Ее́ пальцы́ оставили сажевые отпечатки на безупречном мундире.

– Не дай им переписать тебя снова, – её кристалл светил тускло, как гаснущая звезда. – Это клеймо – не приговор. Сделай его своей дверью. У каждого должен быть выход.

Она ткнула артефактом в метку. Орел взвился в воздух, превратившись в голограмму Устава. Статьи плясали, как обезумевшие мотыльки:

«Параграф 44.3: Санкционированное забвение... Параграф 101: Проекты... Параграф 667: Переоценка...»

Дорога ответила гулом – не скрежетом, а рыком. Пол дрогнул, и из трещин полезли тени-корректоры – существа с телами из спрессованных протоколов. Их головы были усеяны печатями вместо глаз, а вместо рук – бесконечные ленты с штампами **«Исправить»**.

– Ненавижу редакторов, – проворчала Ли́ра, швырнув кристалл в ближайшую тень. Артефакт прожег дыру в существе, и из раны хлынули обрывки приказов: **«Удалить... Переписать... Заменить...»**

Вейл, всё ещё борясь с меткой, нажал на жезл. Голубые линии «Кодекс-Превентора» сплелись в сеть, опутав корректоров.

– Мы нарушили баланс. Дорога переходит в режим тотального пересмотра, – он показал на потолок, где цифровые тучи сгущались в свитки с новыми статьями. —Сейчас она переписет всё. Даже нас.

Ли́ра подняла с пола ядовито-зелёный стебелёк. Растение пульсировало, повторяя ритм её сердца.

– Тогда добавим в её историю новую главу, – она воткнула стебелёк в трещину у основания стелы.

Почва вздыбилась. Из разлома вырвался корень-архив – сплетение пергаментных лент, исписанных забытыми законами. На одной из них алела подпись Нортела: **«Статья 0: Реальность имеет право на сопротивление»**.

Корректоры завyli, пятясь назад. Дорога завизжала, как перегруженный процессор, а метка на руке Вейла вдруг вспыхнула и... погасла, оставив шрам в форме вопросительного знака.

– Ты... – Вейл уставился на шрам. Алгоритм в его жезле молчал. Впервые за десять лет.

Ли́ра, вытирая кровь с разбитой губы, протянула ему кристалл. Внутри артефакта клубилась тьма, но теперь в ней мерцали звезды – крошечные, как буквы в запрещенной книге.

– Добро пожаловать в сопротивление, педант.

Где-то в глубине тоннеля рухнула колонна, открывая проход в ядро Дороги – гигантский кристалл, испещренный кодами. Но вместо холодного сияния он излучал багровый свет, будто система истекала цифровой кровью.

– Что дальше? – спросил Вейл, поднимая жезл. Теперь голубые линии переплетались с фиолетовыми искрами, создавая новый узор – алгоритм свободы.

Ли́ра усмехнулась, ломая печать на кристалле:

– Довести до конца то, что начал отец. Переписать правила.

Дорога ответила гулом – где-то вдали заскрипели шестерни, запуская механизм переоценки всех решений.

Вейл удрученно опустив плечи оглядел последним взглядом хаос вокруг. Взор его упал на маленький корешок.

Дневник лежал под обломком колонны, чьи грани когда-то украшала фреска «*Процветание Тревина*». Теперь мраморный осколок напоминал надгробие. Вейл, сорвав перчатку, провёл пальцами по обугленному переплёту. Страницы слиплись, как раны под бинтами, но последняя запись проступала сквозь пепел – дрожащие буквы, выведенные пером, которое кончало чернила:

«17.09.Эр.563.

Они требуют форму 12-Г. Бюджет исчерпан. "Ночной санфир" стоит как годовой запас хлеба.

Прости, Мира. Может, синие сойдут?

– Г.Р.»

Ли́ра, присев рядом, поднесла кристалл к подписи. Тень внутри артефакта дрогнула, и в воздухе всплыла голограмма: мужчина в потертом камзоле дописывал строку, пока за окном ратуши горели поля.

– Гарринов Рудольф, – пробормотал Вейл. – Тот самый эксперт. Он подписал акт о соответствии чернил... перед тем как исчезнуть.

Ли́ра замерла, вращая ядовито-зелёный росток перед лицом. Кариан Веил не мог назвать момент, когда та взяла его и откуда. Прожилки растения пульсировали, повторяя узор рун Нортела. Капли сока падали на обугленный пергамент под ногами, выжигая дыры, сквозь которые проглядывали забытые статьи – законы, стертые Дорогой за ненужностью.

– Победа? – ее голос звучал едко, словно дым сожженных архивов. – Или начало войны? – Она словно вела беседу исключительно с самой собой, так тих был ее голос.

Вейл молча разглядывал метку на запястье. Орел с когтями, когда-то чёткий, теперь расплывался, словно чернила под дождём. Крылья, прежде жесткие, как параграфы, трепетали, будто пытались улететь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.